

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский юридический институт МВД Российской Федерации»

Кафедра уголовного права и криминологии

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему **«ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

Выполнил
Галиуллин Ильшат Азатович
обучающийся по специальности
40.05.02 Правоохранительная деятельность
2020 года набора, 0201 учебной группы

Руководитель
доцент кафедры,
кандидат юридических наук
Пейзак Руслан Игоревич

К защите рекомендуется
рекомендуется/не рекомендуется

Начальник кафедры _____ И.Р. Диваева
подпись

Дата защиты: «__» _____ 2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение	3
Глава 1. Террористическая экстремистская деятельность как криминологическая категория	7
§ 1. Криминологическая характеристика террористической экстремистской деятельности	7
§ 2. Характеристика личности жертв террористической экстремистской деятельности	21
Глава 2. Основные направления предупреждения криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности	28
§ 1. Общесоциальная профилактика криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности	28
§ 2. Меры специальной профилактики криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности	34
§ 3. Зарубежный опыт криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности	46
Заключение	53
Список использованной литературы	58

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема террористической и экстремистской деятельности представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности и общественной стабильности. Ее состояние и динамика характеризуются высокой степенью адаптивности к изменяющимся социально-политическим условиям, технологическому прогрессу и мерам государственного противодействия. В Российской Федерации формирование и трансформация данного явления происходят под влиянием как глобальных тенденций, так и специфических внутренних факторов, а законодательная база, регулирующая сферу противодействия этим угрозам, непрерывно эволюционирует.

Проблема изучения личности жертв террористической и экстремистской деятельности занимает центральное место в современной виктимологии, представляя собой сложный междисциплинарный предмет анализа, находящийся на стыке криминологии, психологии, социологии и права.

Актуальность данного исследования многократно возрастает в свете поправок в российское законодательство, направленных на совершенствование системы противодействия терроризму и экстремизму, которые не только расширяют инструментарий превенции и пресечения преступлений, но и вносят существенные коррективы в понимание самого феномена виктимизации в рассматриваемой сфере, формируя новые подходы к защите граждан и определению круга потенциально уязвимых лиц.

Характеристика жертвы в контексте террористического акта или экстремистского преступления обладает фундаментальной спецификой, отличающей её от жертв иных насильственных деяний, что обусловлено особыми целями, мотивацией преступников и характером причиняемого вреда, выходящего далеко за рамки индивидуальной трагедии и приобретающего символическое, устрашающее значение для всего общества.

В условиях динамичного изменения тактики террористических и

экстремистских структур, их активного использования информационно-коммуникационных технологий для вербовки и устрашения, традиционные криминологические подходы, сфокусированные преимущественно на личности преступника, требуют дополнения системным виктимологическим анализом. Подобный анализ позволяет выявить и нейтрализовать факторы, повышающие уязвимость отдельных лиц, социальных групп и общества в целом перед деструктивным воздействием, тем самым формируя дополнительный, а в некоторых ситуациях и основной, барьер на пути реализации преступных замыслов.

Объект исследования охватывает широкую область общественных отношений, связанных с процессами виктимизации в сфере терроризма и экстремизма.

Предметом исследования служит система виктимологической профилактики преступлений террористической и экстремистской направленности, рассматриваемая в её теоретических основаниях, нормативно-правовом оформлении и практической реализации.

Цель исследования заключается в разработке теоретически обоснованных и практико-ориентированных предложений по совершенствованию системы виктимологической профилактики преступлений террористической и экстремистской деятельности в Российской Федерации.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих взаимосвязанных задач:

- дать криминологическую характеристику террористической экстремистской деятельности;
- охарактеризовать личность жертв террористической экстремистской деятельности
- рассмотреть общесоциальную профилактику криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности;
- раскрыть меры специальной профилактики криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности;

- описать зарубежный опыт криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности.

Методы исследования образуют комплекс взаимодополняющих способов познания, обеспечивающих достоверность и научную ценность полученных результатов. Ведущую роль играет общенаучный диалектический метод, позволяющий рассматривать виктимологическую профилактику в развитии, во взаимосвязи с социальными, экономическими и политическими процессами. Широко применяются формально-логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также сравнительно-правовой метод, необходимый для изучения законодательства и его трансформации. Системно-структурный метод используется для рассмотрения профилактики как целостного механизма.

Степень разработанности темы в отечественной и зарубежной науке характеризуется значительным, но неравномерным вниманием исследователей. Классические труды по виктимологии Л.В. Франка, Д.В. Ривмана, В.И. Полубинского заложили теоретический фундамент для понимания общих закономерностей виктимности. Проблемы виктимизации от терроризма и экстремизма нашли отражение в работах таких учёных, как Ю.М. Антонян, С.М. Иншаков, В.Е. Квашиш, А.И. Долгова, которые исследовали криминологические и психологические особенности жертв. Вместе с тем, комплексных монографических исследований, посвящённых именно системной виктимологической профилактике в данной специфической сфере, остаётся недостаточно.

Теоретическая база исследования сформирована на основе фундаментальных положений общей теории права, криминологии, уголовного права, административного права, а также специальных теорий виктимологии и социологии девиантного поведения.

Нормативная база исследования включает широкий круг правовых актов различных уровней. Фундаментальное значение имеют Конституция Российской Федерации, федеральные законы «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремистской деятельности», Уголовный кодекс РФ,

Кодекс РФ об административных правонарушениях, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные приказы и инструкции, регламентирующие порядок осуществления профилактической работы, защиты потенциальных жертв и оказания помощи пострадавшим. Учитываются также стратегические документы, такие как Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации.

Эмпирическую базу исследования составляют данные официальной государственной статистики (МВД, Судебного департамента при Верховном Суде РФ) о преступлениях террористического и экстремистского характера, о мерах профилактического воздействия и результатах их применения.

Практическая значимость работы определяется её ориентированностью на решение конкретных проблем правотворческой и правоприменительной деятельности. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании российского законодательства в сфере противодействия терроризму и экстремизму, особенно в части, касающейся профилактики, защиты жертв и реабилитации, а также в учебном процессе при преподавании дисциплин «Криминология», «Виктимология», «Правоохранительные органы» в юридических вузах, а также при подготовке и повышении квалификации сотрудников правоохранительной системы.

Структура работы определена целью и задачами исследования и состоит из введения, основной части, включающей три параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

§ 1. Криминологическая характеристика террористической экстремистской деятельности

На современном этапе мирового общественного развития вопросы, связанные с проявлениями религиозного и политического экстремизма, выходят на первое место в системе мировой общественной безопасности, в общем, и национальной безопасности, в частности.

Под экстремизмом понимается деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства или насильственное посягательство на общественную безопасность, в т. ч. организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований и участие в них.

Мотивация на участие в экстремистской деятельности может быть различной (ненависть, вражда): политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная, в отношении какой-либо социальной группы и др.

Экстремизм относится к явлениям, имеющим социально-политические предпосылки, к которым можно отнести: наличие и расширение (углубление) политических кризисов; низкий материальный уровень жизни (обнищание населения, безработица и т. п.); недоверие (имевшееся, возникшее на определенном этапе) к власти; внешнее вмешательство (косвенное, опосредованное, но целенаправленное и хорошо финансируемое) определенных государств во внутреннюю политическую ситуацию в стране; пропаганда, манипуляции социальным сознанием (как непосредственно, в процессе живого общения, так и опосредованно, через средства информационной коммуникации, с учетом их современных, практически неограниченных возможностей); подстегивание и нарастание протестных настроений (обеспечение масс лидерами, формулировка целей и задач,

финансовое стимулирование мотивации и т. п.); формирование активистских центров, проведение актов неповиновения властям и др.¹

Вопрос состояния внутреннего национального социально-политического баланса отдельных стран (в определенных ситуациях) (при всем уважении к понятию государственного суверенитета) нередко выходит на уровень международных отношений и геополитики. Примером указанного может служить ситуация со странами Ближнего Востока, где в результате событий, так называемой «арабской весны», в таких странах, как Тунис, Египет, Йемен, Бахрейн, Ливия, Ливан, Сирия и др., в процессе внутренних политических конфликтов образовались экстремистские центры, а затем на их основе были созданы и окрепли террористические группировки. При этом ряд стран, в т. ч. и из числа так называемых «развитых», активно материально-финансово, организационно-консультативно, а иногда и военно-технически, способствовали названным процессам (естественно, в собственных интересах).

Указанное на современном этапе породило глобальные проблемы, т. к. набравшие силу и ставшие в названных странах практически легальными, террористические организации активно вовлекают в свои ряды сотни тысяч человек, проникли своими «филиалами» в десятки стран и все чаще и чаще проявляют себя в многочисленных терактах, вооруженных нападениях, проявлениях «информационной войны» и прочих дестабилизирующих мировую безопасность действиях.

Также следует признать, что политический экстремизм в мусульманских странах имеет четкую религиозную окраску, превращаясь в религиозно-политический экстремизм. При этом умеренный ислам не нарушает своих постулатов: «не проливай невинной крови», «не причиняй бед и страданий ближнему», «не обнажай меча ради ложного дела».

Однако это не мешает тому, что идеология ваххабизма стала основой известных международных террористических организаций, таких как «Братья

---

¹ Лозинский О.И. Экстремизм и терроризм: криминологическая характеристика, классификация экстремистов и террористов //Юристъ-Правоведъ. 2025. № 3. С. 155.

мусульмане», «Джамаат ислами», «Хезб ут Тахрир». Названные организации пытаются активно развивать свою деятельность на территории России, в т. ч. и через международные миссионерские и религиозные организации ваххабитского толка, такие как, например, Международная ассамблея мусульманской молодежи, Всемирная исламская лига, Исламская конференция и др.). При этом названному направлению ислама присуща логика, оправдывающая убийство иноверца или просто оппонента.

В концептуальном плане суть современного экстремизма (фундаментализма) ваххабитского толка как религиозно-политического учения сводится к: неотделимости религии и общества друг от друга; возрождению ислама в первоначальном виде, его очищению от нововведений; приоритету идеологии и духа пан-исламизма; возрождению халифата; утверждению во всех мусульманских странах исламского правления. Окончательная цель ваххабизма заключается в создании всемирного исламского государства¹.

В Российской Федерации разработано и принято национальное законодательство по противодействию экстремизму. Нашей страной ратифицировано большинство международно-правовых актов в данной сфере. Однако на текущий момент проблема экстремизма требует еще более повышенного внимания со стороны общества и государства (в т. ч. и с учетом многонациональности и многоконфессиональности нашей страны, а также проблемных вопросов в сфере миграции).

При этом необходимо констатировать, что терроризм и экстремизм - явления взаимообусловленные: терроризм органически порождается экстремизмом, а экстремизм усиливается (подпитывается) терроризмом.

Терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решений руководящими органами международных организаций, государственной власти, местного самоуправления, связанные с актами

---

¹ Эльмурзаев С.М., Катаев Ш.М. Деятельность органов внутренних дел в противодействии экстремизму в сети Интернет // Столыпинский вестник. 2023. № 1. С. 23.

устрашения населения или другими формами противоправных насильственных действий, носящими названную направленность и имеющими преимущественно открыто-демонстративный, показательный характер. Понятие террористического акта закреплено в ст. 205 УК РФ.

Террористические организации на современном этапе прошли большую «эволюцию», и на текущий момент представляют собой мощные, устоявшиеся структуры, соизмеримые по численности и уровню организации, даже с соответствующими государственными ведомствами стран, где они в основном дислоцируются.

По своей структуре и организационным принципам данные организации схожи с государственными воинскими формированиями: основаны на единоначалии, имеют четкую властную вертикаль, включают в своем составе хорошо вооруженные и обученные боевые, аналитические и разведывательные подразделения (нередко десятки тысяч боевиков), практически легально комплекуются за счет вербовки и рекрутинга новых членов, имеют штабы, современно оборудованные лагеря для подготовки боевиков, склады оружия, боеприпасов, военной техники и др. Кроме того, исследуемые организации имеют: достаточные для их функционирования финансовые возможности; связи и лобби в сферах государственного управления, местного самоуправления, в правоохранительных органах, в армии и других госструктурах; значимое идеологическое и политическое влияние в странах и регионах по месту их создания и нахождения. Названные организации пытаются оказывать влияние на мировые процессы и активно действовать на местном и региональном уровне, а также и на международной арене¹.

Текущее состояние террористической и экстремистской деятельности в России можно охарактеризовать как стабилизированное на фоне сохраняющейся латентной угрозы. После пика активности, связанного с

---

¹ Шестопапов С.В., Медведь В.М. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению террористической деятельности и экстремизма // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: сборник научных статей. Тула, 2023. С. 212.

вооруженным противостоянием на Северном Кавказе в 1990-е и 2000-е годы, произошла существенная деградация классических террористических структур, оперировавших в формате подпольных вооруженных формирований. Решительные силовые действия правоохранительных органов и спецслужб привели к ликвидации или фрагментации многих организованных групп. Однако подобная стабилизация не означает искоренения самой угрозы. Напротив, наблюдается качественная трансформация преступной активности, ее переход в новые, более сложные для выявления и пресечения формы.

Динамика явления отчетливо демонстрирует сдвиг от масштабных терактов, требующих длительной подготовки и инфраструктуры, к тактике малых, спорадических атак, осуществляемых одиночками или мелкими ячейками. Данная тенденция полностью коррелирует с общемировыми процессами и находит прямое отражение в законодательных новациях, которые все больше внимания уделяют профилактике и пресечению деятельности на ранних стадиях¹.

Важнейшей чертой современной динамики выступает стремительная виртуализация и цифровизация террористической и экстремистской деятельности. Интернет-пространство превратилось в основную среду для идеологической обработки, вербовки, обучения, финансирования и координации действий. Социальные сети, мессенджеры и закрытые форумы предоставляют радикальным элементам инструменты для создания транснациональных сетей без жесткой иерархической структуры. В ответ на вызов законодатель последовательно расширяет инструментарий противодействия в информационной сфере. Поправки позволяют оперативно блокировать интернет-ресурсы, распространяющие материалы экстремистской и террористической направленности, а также обязывают владельцев онлайн-платформ самостоятельно выявлять и удалять подобный контент. Была введена уголовная ответственность за создание и участие в деятельности

---

¹ Согомонян Г.Х., Проненко Е.А. Профилактика преступлений экстремисткой направленности // Интернаука. 2022. № 44. С. 18.

экстремистского сообщества, в том числе в интернете, а также за финансирование подобной деятельности, что направлено на подрыв экономических основ терроризма. Криминализация публичного оправдания терроризма и распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ также нацелена на подавление информационного сопровождения деструктивной деятельности.

Существенным вектором динамики стало смещение идеологической риторики и мотивации участников. Если ранее доминирующим источником радикализации служили сепаратистские и религиозно-политические доктрины, связанные с так называемым «исламским терроризмом», то сейчас наблюдается рост активности ультраправых и неонацистских группировок, а также групп, исповедующих леворадикальные и анархистские взгляды. Мотивационная палитра усложняется, включая не только фанатичную приверженность идеологии, но и личностные кризисы, стремление к самореализации в агрессивной среде, поиск виноватых в личных неудачах.

Законодательство, в свою очередь, расширяет и детализирует понятийный аппарат. Уточняются определения экстремизма, включающие теперь не только насильственные действия, но и публичные призывы к их осуществлению, а также возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Важной новеллой стало более четкое разграничение между критикой власти, являющейся частью политического дискурса, и действиями, направленными на насильственное изменение основ конституционного строя, что призвано защитить пространство легитимного инакомыслия, одновременно ужесточая борьбу с его радикальными формами¹.

Особенностью современного состояния выступает феномен «гибридного» терроризма и экстремизма, когда деструктивная деятельность тесно переплетается с иными формами противоправного поведения. Речь идет о

---

¹ Панов Е.В. Противодействие терроризму как одно из направлений деятельности в органах внутренних дел // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3. С. 57.

связях с организованной преступностью (торговля оружием, наркотрафик для финансирования), использовании киберпреступных методик, а также об инструментализации экстремистских практик в рамках политической борьбы и манипуляции общественным сознанием. Законодательные поправки усилили межведомственное взаимодействие и наделили правоохранительные органы дополнительными полномочиями по контролю за финансовыми потоками, перемещением лиц и грузов, что направлено на разрушение таких гибридных сетей. Усилена ответственность за организацию деятельности экстремистской организации, что позволяет привлекать к ответственности не только непосредственных исполнителей, но и идеологов и координаторов.

Территориальная география активности также претерпевает изменения. Хотя Северный Кавказ остается регионом с повышенным вниманием спецслужб, активность смещается в крупные агломерации Центральной России, Поволжья и Сибири. Террористические акты и преступления экстремистской направленности все чаще готовятся и совершаются в местах с высокой концентрацией населения, где сложнее выявить подготовку и выше медийный эффект. Динамика указывает на возрастающую роль так называемых «территорий риска» – мест, где сочетание социально-экономических проблем, межэтнической напряженности и слабой интеграционной политики создает питательную среду для радикальных идей¹.

Как правило, террористическая организация зарождается и начинает формироваться с момента появления ее потенциального руководителя (идеологического лидера), который в дальнейшем лишь подбирает и «создает» подчиненных сообщников (для групп на временной или постоянной основе). Со временем, вокруг лидера образуется преступное сообщество, состоящее из его единомышленников и привлеченных для террористической деятельности лиц (в т. ч. и на основе найма).

---

¹ Панов Е.В. Противодействие терроризму как одно из направлений деятельности в органах внутренних дел // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3. С. 57.

Для реализации программных целей, обозначенных лидером, преступное сообщество начинает формировать «боевые ячейки» террористов-исполнителей (в т. ч. террористов-смертников), а затем и более глобальные вооруженные формирования (в связи с расширением масштаба целей и задач).

Организация, имеющая возможность действовать полулегально (легально), нуждается в постоянном пополнении и расширении ее рядов, что и происходит за счет вербовки, рекрутинга и найма новых членов, преимущественно, боевиков-исполнителей (в подавляющем большинстве, это люди из низших слоев общества – малоимущие, необразованные, с узким кругозором, без четких целей в жизни, из которых достаточно легко воспитывать религиозно-националистических фанатиков, или мотивировать их на соответствующую деятельность достаточно скромным материальным вознаграждением). Для обучения и «воспитания» «новобранцев» организуются соответствующие лагеря (центры) подготовки.

Указанная деятельность требует значительных материальных затрат, в связи с чем организуется финансирование и материально-техническое обеспечение всех названных процессов (пожертвования, наркоторговля, торговля оружием и людьми, контрабанда, а иногда и вполне реальный бизнес (нередко в сырьевой области) - драгоценные камни, металлы, нефть и др.).

При этом террористические организации внимание уделяют информационному сопровождению своей деятельности и пропаганде ее идей, целей и задач (например, идеология «священной войны»), а также получению связей и лобби в структурах государственной власти, в правоохранительных органах, в армии и др.¹

В дальнейшем (если ее своевременно не «остановят») террористическая организация первоначально выходит на местный, затем на региональный, а затем и на мировой уровень, о чем и «заявляет» посредством террористических актов, акций устрашения населения и т. п.

---

¹ Люев Т.Х. Проблемы противодействия экстремизму и терроризму в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 138.

Проявления террористической активности довольно многообразны (не редко ограничиваются только «фантазией» ее организаторов): захват заложников; подрыв объектов (в т. ч. и имеющих культурную и религиозную ценность); использование террористов-смертников; убийство политических, государственных, религиозным и т. п. деятелей; вооруженное нападение; организация взрывов транспортных средств, в местах большого скопления людей; захват и угроза уничтожения объектов повышенной опасности (плотины ГЭС; атомные электростанции, химические заводы, военные арсеналы и т. п.); использование компьютерно-информационных технологий для реализации форм «информационной войны»; и др.

На текущий момент террористические организации в своей преступной деятельности широко используют научно-технические достижения, что существенно расширяет спектр возможностей реализации террористических угроз, позволяет воздействовать на объекты террора бесконтактно (дистанционно), оставаясь вне досягаемости профильных государственных структур¹.

Интерес вызывают характеристики личностей террористов, которые предлагается рассмотреть более подробно.

Лиц, организующих и реализующих террористическую деятельность, можно классифицировать (по отношению к этой деятельности и их мотивации):

- террористы-идеологи – лица, имеющие основным мотивом для деятельности идею (религиозную, национальную, политическую и др.), с верой в нее вплоть до фанатизма; ярким примером является Усама бен Ладен (Усама бен Мухаммед бен Авад бен Ладен -международный террорист, основатель и первый эмир международной исламистской террористической организации «Аль-Кайда»);

- профессиональные террористы – лица, у которых явно выраженные идеологические пристрастия отсутствуют; цель деятельности - дестабилизация

---

¹ Лещенко Д.Г. Предупреждение преступлений экстремистской направленности // Молодой ученый. 2022. № 26. С. 117.

нормальных процессов жизнедеятельности общества и государства за денежное вознаграждение (основа деятельности – наемничество; профессиональные, дисциплинированные, расчетливые, уверенные в себе, умеющие четко ставить задачи и эффективно их реализовывать); примером может служить Шамиль Басаева (Шамиль Салманович Басаев, он же Абдаллах Шамиль Абу-Идрис - чеченский полевой командир);

- смертники-шахиды – лица (фанатики), (основная мотивация - «все шахиды, умершие за веру, попадают в рай»);

- меркантильные террористы – лица, у которых цель деятельности - получение материальной выгоды (вознаграждения) за выполнение определенного террористического действия;

- насильственные террористы – лица, при реализации террористической деятельности склонные к применению различного рода насилия в отношении оказавшихся в их власти лиц (преимущественно, для удовлетворения собственного «эго»);

- террористы-поджигатели – лица, желающие, посредством реализации терактов, привлечь к себе внимание общественности, органов власти;

- террористы-манипуляторы – лица (преимущественно террористы-исполнители), старающиеся в ходе террористической деятельности выделиться посредством различного рода манипуляций на фоне других террористов-исполнителей, получив при этом максимально возможное материальное вознаграждение за совершаемую преступную деятельность;

- террористы-шантажисты – лица, стремящиеся получить в результате террористической деятельности, как материальную выгоду, так и известность (например, путем захвата заложников и публичного предъявления требований);

- апокалипсические террористы – лица, недавно (либо вообще впервые, разово) ставшие на путь совершения террористического акта и считающие себя «посланниками Бога» или лицом «находящимся в своем праве из соображений высшей справедливости» или просто исходя из того, что может

себе это позволить, освободившись от социальных^[1] и морально-нравственных «цепей» (месть своим обидчикам, как непосредственным^[1] так и гипотетическим; искоренение «общего зла»; «наказание всех за все» и т. п.).

С учетом особенностей стиля поведения, приоритетной индивидуальной мотивации, психологических наклонностей, можно выделить следующие конкретные типы личностей террористов, например: «миссионеры-фанатики», «лидеры-повелители», «мстители», «сценаристы-режиссеры»; «технические специалисты» и др.¹

Большинство нижестоящих и среднеуровневых типов террористов фактически «выращивается в недрах» самих организаций, куда они вербуются (рекрутируются) из «внешней среды» и где проходят идеологическую, теоретическую и практическую подготовку. В ходе указанного также происходит определенная «фильтрация» их руководством организации на предмет наличия у них организаторских и руководящих способностей. Лица, у которых эти способности есть, пополняют ряды полевых командиров первичного звена и руководителей «боевых ячеек».

Наибольший интерес относительно рядовых членов террористических организаций представляет криминалистическая характеристика террористов-смертников (шахидов): в настоящее время преимущественно (65%) женщины в возрасте 18-27 лет (93%)

Результаты проведенного исследования показывают, что в большинстве случаев в основе мотивационного механизма шахидок, при всем их «зомбировании» руководством террористических организаций, чаще всего лежат «земные мотивы» – попытка отмщения за погибших или пропавших без вести в ходе боевых действий мужей, сыновей, братьев (боевиков-террористов) (поэтому в СМИ их нередко называют «черными вдовами»).

---

¹ Куршев А.Х. Высокие технологии в противодействии преступлениям экстремистской и террористической направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 128.

Шамиль Басаев считал «черных вдов» значимой частью своих сил террористов-смертников, называемых Бригадой мучеников Риядус-Салихийн (первой «черной вдовой» считается 17-летняя Хава Бараева – племянница Арби Бараева, чеченского полевого командира). В дальнейшем использование в «священной войне» террористок-смертниц и вообще террористок-женщин, фактически «встало на конвейер» (в теракте «на Дубровке» (г. Москва) их было 20 из 40 членов группы боевиков, при этом только две из них являлись «классическими» «черными вдовами»).

Террористическая угроза, реализуемая террористами-женщинами, актуальна и на текущий момент. Одним из наиболее «свежих» примеров является террористический акт, совершенный Дарьей Треповой. По данным следствия, Трепова с соучастниками, действуя за денежное вознаграждение, под руководством кураторов из Украины, готовились к совершению теракта с октября 2022 г. При этом Трепова для того чтобы ее «лицо примелькалось» и она не вызывала никаких негативных подозрений, используя поддельный студенческий билет (удостоверение) студентки академии художеств, неоднократно посещала мероприятия, проводимые военным корреспондентом Максимом Фоминым, который в СМИ был известен как «Владлен Татарский». В связи с этим среди постоянных участников названных мероприятий уже считалась практически «своей». Действуя по ранее намеченному плану, на очередном мероприятии 2 апреля 2023 г. в кафе в центре г. Санкт-Петербурга, Трепова, имея умысел на его убийство, вручила Владлену Татарскому статуэтку, начиненную взрывчатым веществом. В результате взрыва военный корреспондент погиб, а 52 человека, из числа находившихся в кафе, получили ранения (при этом сама Трепова не пострадала)¹.

Продолжая дальнейшую классификацию, необходимо отметить, что среднее руководящее звено террористических организаций (бригадиры, старшие), нередко гораздо более образовано, чем рядовые их члены. При этом

---

¹ Ильин А.В. Витимологическая профилактика преступлений: учебно-практическое пособие. Ижевск, 2024. С. 115.

их мотивация по активному участию в деятельности исследуемых организаций во многом продиктована религиозными убеждениями или корыстными побуждениями.

Террористы-идеологи и практические руководители террористических организаций - лица, пользующиеся практически непререкаемым авторитетом в среде террористов, обладающие «даром убеждения», но при этом жесткие по характеру, эгоцентричные и авторитарные. Нередко они являются религиозными и националистическими фанатиками, имеют большой организаторский, политический, военный и криминальный опыт, а также опыт изыскания возможностей (легальных, криминальных) финансирования и материально-технического обеспечения крупных организаций.

Одной из основных проблем противодействия террористической деятельности является то, что управленческие структуры, материальные и финансовые ресурсы и места сосредоточения и подготовки боевиков, которые устраивают террористические акты на территории нашей страны, находятся за ее пределами (преимущественно), вне досягаемости правоохранительных органов и в ограниченной досягаемости других специализированных государственных структур¹.

Кроме того, террористическая идеология «священной войны», преимущественно основанная на религиозно-националистических идеях, является предпосылкой к «брожению в умах», способствует социальной напряженности, ведет к духовному, религиозному и национально-этническому разобщению нашего многонационального и многоконфессионального народа. Усиление внутренней нестабильности всегда нагнеталось и использовалось для ослабления государства и общества перед внешними угрозами, что мы наглядно, в режиме реального времени и видим в период текущей «новейшей истории».

---

¹ Жамборов А.А. Современный терроризм и экстремизм: тенденции развития, проблемы противодействия // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 3. С. 80.

Представляется, что любая глобальная проблема легче поддается разрешению и устранению, если разделить ее на несколько составляющих и постараться разрешить каждую из этих проблемных составляющих по отдельности.

Несмотря на ранее уже обозначенные проблемы противодействия терроризму, связанные с его международной и экстерриториальностью, для государственных правоохранительных структур и профильных специализированных структур, даже в рамках территории нашей страны, по мнению автора, есть широчайшее поле для деятельности: устранение террористических ячеек; противодействие вербовке и рекрутингу в террористические организации; борьба с информационной и пропагандистской составляющей исследуемой деятельности; противодействие сбору средств на названные преступные цели; устранение лобби названных организаций в управленческих структурах и правоохранительных органах «национальных республик» - субъектов РФ; «работа» с национальными диаспорами бывших республик СССР (а сейчас членов СНГ); борьба с эмиссарами и агентами международных террористических организаций, ведущих профильную деятельность на территории РФ; безусловное оперативное уголовно-процессуальное реагирование на все противоправные действия, подпадающие под соответствующие составы УК РФ; проведение активной контрпропаганды данной деструктивной деятельности и многое другое, в т. ч. и в рамках компетенции в сферах оперативно-розыскной деятельности (ФСБ РФ, МВД РФ и др.), внешней разведки и даже, в ряде случаев, в рамках компетенции МО РФ¹.

Таким образом, состояние террористической и экстремистской деятельности в Российской Федерации характеризуется переходом в более диффузную, сетевую и виртуализированную фазу. Динамика явления

---

¹ Гутник И.С., Мамин А.С. Цели и задачи органов внутренних дел в сфере реализации государственной политики противодействия экстремизму // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73. С. 37.

демонстрирует его высокую адаптивность: подавление одних форм ведет к зарождению и развитию других, более сложных для обнаружения и нейтрализации. Актуальное законодательство, постоянно совершенствуясь, стремится создать всеобъемлющий правовой барьер, охватывающий как традиционные силовые методы противодействия, так и работу в информационно-идеологической и профилактической сферах. Однако окончательная эффективность этой масштабной правовой работы будет определяться не только жесткостью норм, но и их точностью, сбалансированностью, а также способностью государственных и общественных институтов адресно работать с глубокими социальными, экономическими и мировоззренческими причинами, порождающими почву для радикализации.

Решения по противодействию экстремистской и террористической угрозам (во всем многообразии их проявлений), совершенствование методов и средств профилактики и расследования преступлений названной направленности, относится к основным задачам современной деятельности правоохранительных органов, на эффективное разрешение которой, с учетом осознания ее приоритетности, направляются все имеющиеся, и динамично возникающие в ходе научно-технической деятельности, ресурсы.

§ 2. Характеристика личности жертв террористической экстремистской деятельности

Современное российское законодательство, реформируемое в соответствии с вызовами времени, постепенно формирует более широкое и детализированное понимание жертвы террористического акта. Если ранее правовой статус и меры поддержки в основном касались лиц, непосредственно пострадавших от взрыва, обстрела или иного насильственного действия, то сейчас в поле зрения законодателя всё чаще попадают так называемые косвенные жертвы, а также лица, чьи права нарушаются в связи с

экстремистской деятельностью, не всегда сопряженной с прямым физическим насилием.

Поправки в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и смежные нормативные акты усиливают акцент на комплексной реабилитации пострадавших, включающей не только медицинскую помощь и материальные компенсации, но и психологическую, социальную и профессиональную поддержку. Подобный подход законодателя косвенно признает многослойный и долгосрочный характер вреда, причиняемого жертве, последствия которого могут проявляться в виде посттравматических стрессовых расстройств, утраты социальных связей, профессиональной дезадаптации и глубоких экзистенциальных кризисов¹.

Важнейшей особенностью виктимизации в сфере терроризма и экстремизма является её зачастую случайный, неспецифический и массовый характер. В отличие от многих других преступлений, где существует определенная связь между личностью жертвы и преступником (конфликт, родственные или имущественные отношения), жертвой террористического акта может стать абсолютно любое лицо, оказавшееся в определённое время в определённом месте. Данное обстоятельство радикально меняет классические виктимологические модели, построенные на анализе провоцирующего поведения или личностных качеств, повышающих риск стать жертвой.

Террорист сознательно выбирает цели, обладающие максимальным символическим или медийным эффектом: транспортная инфраструктура, места массового скопления людей, объекты критической инфраструктуры. Следовательно, первичная характеристика личности такой жертвы – это её анонимность для преступника и представительность для общества.

Жертва выступает не как конкретный индивид, а как условный «гражданин», «пассажир», «верующий» или «чиновник», чья гибель или страдание должны продемонстрировать уязвимость государства и бессилие

власти защитить своих граждан. Такой символический характер виктимизации создаёт в обществе атмосферу перманентного страха и неуверенности, что и составляет одну из главных целей террористической стратегии.

Однако при всей значимости случайного отбора жертв, современная криминологическая мысль не отрицает существования определённых групп повышенного виктимологического риска. Речь идёт не о поведенческой провокации, а о социально-демографических, профессиональных или этноконфессиональных характеристиках, которые могут целенаправленно учитываться организаторами терактов для достижения конкретных идеологических или пропагандистских целей. К таким группам можно отнести сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, государственных служащих, представителей судебной системы, журналистов, активно освещающих соответствующую тематику, а также лидеров религиозных или национальных общин, выступающих против радикальных идеологий².

В случае экстремистской деятельности, направленной на разжигание ненависти, жертвами часто становятся лица определённой национальности, религии или социальной группы, которые сами по себе становятся мишенью для агрессии. Законодательство, усиливая ответственность за преступления экстремистской направленности по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной вражды, фактически признаёт специфический, целевой характер виктимизации таких лиц, чья личность значима для преступника именно в силу своей групповой принадлежности.

Психологический портрет жертвы, пережившей террористический акт или ставшей объектом экстремистского преследования, обладает рядом устойчивых черт, изучение которых крайне важно для организации

---

¹ Буров Ю.Б. Массовое убийство в образовательных организациях: феномен, механизмы, причины, профилактика // Инновационное развитие профессионального образования. 2025. № 1. С. 125.

² Абидов Р.Р., Зумакулова З.А. Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет // Право и управление. 2024. № 6. С. 301.

эффективной реабилитации. Травма, нанесённая подобными событиями, носит характер так называемой «человеко-обусловленной» травмы, которая переживается тяжелее, чем последствия стихийных бедствий или техногенных катастроф, поскольку содержит элемент осознанного злого умысла, направленного на унижение, устрашение и уничтожение.

У пострадавших развиваются тяжелые формы посттравматического стрессового расстройства, для которых характерны навязчивые воспоминания (флешбеки), кошмары, эмоциональная отчуждённость, гипервозбудимость, избегание мест и ситуаций, напоминающих о травме. Особенностью является чувство утраты базового доверия к миру и безопасности, ощущение тотальной незащищённости. Для косвенных жертв – родственников погибших и пострадавших – к этим переживаниям добавляется комплекс вины выжившего, горечь утраты и часто фрустрация, связанная с взаимодействием с государственными органами в процессе расследования и получения компенсаций. Современное законодательство, предписывая оказание психологической помощи, лишь начинает формировать системный подход к решению этих глубоких психологических проблем, требующих длительной, специализированной и индивидуализированной работы.

Социальные последствия виктимизации в рассматриваемой сфере носят масштабный и деструктивный характер, выходя далеко за рамки индивидуальной судьбы. Жертва террористического акта или экстремистского насилия зачастую сталкивается с двойной травмой: непосредственно от преступления и от реакции общества. Может возникать стигматизация, особенно в случаях, когда преступление было мотивировано принадлежностью жертвы к определённой этнической или религиозной группе, что провоцирует рост предрассудков и ксенофобии в обществе¹.

---

¹ Щапина Э.В. Виктимологическая профилактика преступлений террористической направленности в сети Интернет // Державинские чтения: сборник научных статей. М., 2024. С. 161.

Семья пострадавшего переживает тяжёлый финансовый и социальный кризис, особенно если погиб или стал инвалидом кормилец. Профессиональная реализация часто становится невозможной из-за полученных увечий или психологических барьеров. Всё это приводит к маргинализации жертвы, её выпадению из активной социальной жизни, что противоречит целям восстановительной политики государства. Последние законодательные инициативы, направленные на социальную и трудовую реабилитацию, создание доступной среды, предоставление образовательных возможностей для детей погибших, являются попыткой противостоять этой тенденции к социальной эксклюзии, однако их реализация на практике сталкивается с множеством административных и ресурсных ограничений.

Особого внимания заслуживает проблема так называемых «опосредованных» или «вторичных» жертв, круг которых существенно расширяется благодаря законодательным новеллам, учитывающим реалии информационного общества. К ним можно отнести, во-первых, лиц, подвергшихся интенсивной психологической обработке через интернет с целью вовлечения в террористическую или экстремистскую деятельность. Законодательство, криминализирующее склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение преступлений экстремистской направленности, фактически признаёт подобное лицо жертвой манипуляции, нуждающейся в специальных мерах защиты и ресоциализации.

Во-вторых, жертвами в широком смысле становятся пользователи интернета, особенно несовершеннолетние, подвергающиеся воздействию контента, содержащего сцены жестокости, оправдание терроризма, призывы к ненависти. Поправки, обязывающие провайдеров и владельцев сайтов блокировать такой контент, отражают понимание того, что подобная информация сама по себе наносит психологический вред, формирует

искажённую картину мира и может служить фактором латентной радикализации¹.

Таким образом, характеристика личности жертвы сегодня должна учитывать не только физическое, но и информационно-психологическое воздействие, границы которого крайне размыты.

В контексте противодействия экстремизму появляется и специфическая категория юридических или коллективных жертв. Речь идёт о социальных, этнических, религиозных группах, а также о государственных институтах и конституционном строе в целом, которые являются конечным объектом посягательства. Цель экстремистской деятельности – подрыв основ конституционного строя, возбуждение вражды, унижение достоинства группы – наносит ущерб не конкретному индивиду, а социальной общности, её репутации, чувству безопасности и принадлежности. Законодательство, защищающее права граждан на основании их групповой принадлежности, косвенно признаёт подобный коллективный характер виктимизации. Защита чести и достоинства нации, конфессии или социальной группы становится не абстрактной категорией, а юридически значимым интересом, нарушение которого влечёт ответственность. Однако реабилитация такой «коллективной жертвы» представляет собой невероятно сложную задачу, лежащую в плоскости государственной национальной политики, межконфессионального диалога и укрепления гражданской идентичности².

Отдельного рассмотрения требует виктимологическая характеристика в рамках преступлений, связанных с финансированием терроризма и экстремизма. Жертвами здесь могут выступать как граждане, обманом или под принуждением вовлечённые в перевод средств запрещённым организациям, так и всё общество в целом, поскольку такие финансовые потоки подрывают

---

¹ Трошкин Д.И. Предупреждение экстремизма и преступлений экстремистской направленности // Особенности формирования антиэкстремистской и антитеррористической среды: сборник научных статей. Белгород, 2022. С. 288.

² Самолаева Е.Ю. К вопросу о профилактике преступлений экстремистской направленности // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 1. С. 46.

экономическую безопасность. Законодатель, ужесточая контроль за финансовыми операциями и вводя ответственность за предоставление или сбор средств для экстремистской деятельности, стремится создать правовые барьеры, защищающие граждан от вовлечения в подобную деятельность, часто маскируемую под благотворительность или предпринимательство.

Таким образом, характеристика личности жертв террористической и экстремистской деятельности в современной России представляет собой многомерную, динамичную конструкцию, находящуюся в процессе активного переосмысления под влиянием эволюции самой преступной деятельности и ответных законодательных мер. От абстрактного образа случайной жертвы террора научная мысль и законодательная практика движутся к более дифференцированному пониманию, включающему целевую жертву ненависти, косвенных и вторичных пострадавших, жертв информационной агрессии и манипуляции, а также коллективные формы виктимизации. Последние поправки в законодательство отражают этот сдвиг, постепенно выстраивая более сложную систему защиты и поддержки различных категорий пострадавших.

Однако эффективность этой системы будет определяться не только наличием правовых норм, но и их практической реализацией, обеспечением межведомственного взаимодействия, наличием квалифицированных кадров в сфере психологической и социальной помощи, а также формированием в обществе культуры солидарности и поддержки жертв, противостоящей их стигматизации и социальной изоляции. Криминология и виктимология призваны обеспечить прочную научную основу для этой комплексной работы, непрерывно изучая изменяющийся профиль жертвы и оценивая эффективность принимаемых мер с точки зрения восстановления её прав, достоинства и возможности вернуться к полноценной жизни.

2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Общесоциальная профилактика криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности

Общесоциальная профилактика криминогенной виктимизации в контексте террористической и экстремистской деятельности представляет собой один из наиболее сложных и многогранных вызовов для современного государства и общества. В отличие от специальных правоохранительных мер, нацеленных на пресечение уже готовящихся преступлений или нейтрализацию конкретных угроз, общесоциальная профилактика обращена к глубинным основам общественной жизни, стремясь создать такой социальный, культурный и правовой климат, который минимизирует саму возможность возникновения условий для виктимизации граждан.

Под криминогенной виктимизацией в данной сфере понимается комплекс процессов и условий, повышающих риск превращения человека или социальной группы в жертву террористического акта или экстремистского преследования, будь то прямое физическое воздействие или опосредованный психологический, социальный, информационный вред¹.

Последние изменения в российском законодательстве, в первую очередь масштабные поправки в Федеральные законы «О противодействии терроризму» и «О противодействии экстремистской деятельности», не только ужесточают репрессивные механизмы, но и последовательно, хотя зачастую фрагментарно, закрепляют основы для построения системной общесоциальной превентивной политики. Данная политика направлена на устранение или ослабление тех факторов в широкой социальной среде, которые формируют питательную

---

¹ Мамаева Л.Н. Основные направления противодействия экстремистским и террористическим проявлениям // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: сборник научных статей. Новосибирск, 2025. С. 288.

почву для радикальных идеологий и одновременно создают уязвимые группы, наиболее подверженные риску стать мишенями для террора и ненависти.

Фундаментальной целью общесоциальной профилактики выступает укрепление общественной безопасности и социальной сплоченности через целенаправленное воздействие на социальные институты, общественное сознание и правовую культуру. В отличие от ситуативной или индивидуальной профилактики, работающей с конкретными лицами или обстоятельствами, общесоциальный подход носит стратегический характер. Он предполагает долгосрочные инвестиции в образование, науку, культуру, информационную политику, социальное обеспечение и межнациональные отношения, рассматривая эти сферы как основу для формирования устойчивого иммунитета общества к идеям насилия и исключительности.

Усиление роли образовательных организаций в патриотическом воспитании и формировании традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленное в законе «Об образовании в Российской Федерации», напрямую соотносится с задачами профилактики экстремистской идеологии среди молодежи. Аналогичным образом, законодательное закрепление понятия «гражданское общество» как субъекта противодействия терроризму и экстремизму открывает возможности для более активного вовлечения негосударственных структур в профилактическую работу на местах, в том числе в мониторинг социальной напряженности и реализацию локальных интеграционных проектов¹.

Центральным звеном общесоциальной профилактики является сфера образования и воспитания. Именно образовательные учреждения, от детского сада до вуза, обладают уникальной возможностью формировать мировоззрение подрастающих поколений, прививать уважение к закону, многообразие культур и религий, развивать критическое мышление, позволяющее противостоять манипулятивным техникам вербовщиков.

---

¹ Лозинский О.И. Экстремизм и терроризм: криминологическая характеристика, классификация экстремистов и террористов //Юрист-Правоведь. 2025. № 3. С. 159.

Законодательные инициативы, обязывающие образовательные организации разрабатывать и внедрять программы, направленные на противодействие идеологии терроризма и экстремизма, создают необходимую правовую базу для данной работы. Однако эффективность таких программ зависит от их содержательного наполнения, методической грамотности и ухода от формального, назидательного подхода в сторону диалога, проектной деятельности и практического освоения навыков межкультурной коммуникации.

Особое значение приобретает подготовка и переподготовка педагогических кадров, способных компетентно и деликатно работать с темами, связанными с национальной и религиозной идентичностью, исторической памятью, конфликтами и путями их ненасильственного разрешения. Профилактика виктимизации через образование включает не только формирование активного гражданина, но и воспитание личности, осознающей свои права и способы защиты от любых форм дискриминации и агрессии, что снижает потенциальную уязвимость перед экстремистскими нарративами, эксплуатирующими чувство обиды и несправедливости.

Не менее важной составляющей выступает информационная политика и регулирование медиапространства. Современные террористические и экстремистские структуры используют интернет и социальные сети как основной инструмент для распространения своей идеологии, вербовки сторонников, психологического давления на целевые группы и формирования атмосферы страха в обществе¹.

Виктимизация в информационном поле может принимать различные формы: от прямой травли и угроз в адрес конкретных лиц или сообществ до распространения дезинформации и пропаганды ненависти, которая косвенно подготавливает почву для реального насилия. Российский законодатель

---

¹ Логинова В.А., Медведева П.Д. Проблемы виктимологической профилактики скулшутинга // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: технологии, инновации, достижения: сборник научных статей. Уфа, 2024. С. 152.

активно развивает правовой инструментарий противодействия этим угрозам. Введены механизмы оперативного блокирования интернет-ресурсов, распространяющих запрещенный контент, установлена ответственность владельцев платформ за его удаление, криминализованы публичные призывы к экстремизму и терроризму, в том числе в сети.

Однако общесоциальная профилактика не может ограничиваться запретами и фильтрами. Её задача – способствовать развитию медиаграмотности населения, особенно молодежи, формированию навыков верификации информации, критического анализа медиатекстов. Поддержка созидательного, гражданско-ориентированного контента, освещающего позитивные примеры межнационального и межконфессионального взаимодействия, успешные интеграционные практики, истории преодоления радикальных настроений, составляет содержательное наполнение профилактической работы в медиасфере. Законодательство, поощряющее социально ответственное вещание и журналистику, способно создать дополнительные стимулы для такого рода деятельности.

Социально-экономическое измерение профилактики криминогенной виктимизации имеет первостепенное значение. Социальное неравенство, бедность, безработица, особенно среди молодежи, ощущение отсутствия жизненных перспектив и социальной несправедливости создают благоприятную среду для распространения радикальных идей, которые предлагают простые, пусть и насильственные, ответы на сложные вопросы, а также находят отклик у лиц, чувствующих себя социально исключенными. С другой стороны, экономически депрессивные регионы и маргинализированные группы часто становятся объектом экстремистской риторики и практик, выступая в роли «козлов отпущения» для накопленного в обществе недовольства¹.

---

¹ Кучмезов Р.А. Вопросы межведомственного взаимодействия по вопросам предупреждения экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 4. С. 215.

Таким образом, эффективная государственная социальная политика, нацеленная на сокращение неравенства, создание качественных рабочих мест, поддержку малого и среднего бизнеса, развитие инфраструктуры в отстающих регионах, является фундаментальной основой для снижения уровня социальной напряженности и, как следствие, рисков виктимизации. Законодательные меры, направленные на поддержку молодежи, например, программы льготной ипотеки, образовательных сертификатов, грантов для предпринимателей, хотя и не формулируют прямо антитеррористических целей, вносят важный вклад в общесоциальную профилактику, предоставляя альтернативные, конструктивные пути самореализации.

Культурная и религиозная политика государства играет особую роль в профилактике экстремизма, основанного на идеях национального, расового или религиозного превосходства. Поддержка культурного многообразия в рамках единого гражданского народа, сохранение и развитие языков и традиций населяющих Россию народов, содействие межкультурному диалогу – всё это способствует формированию инклюзивной общественной среды, в которой нет места ксенофобии и изоляционизму.

Важнейшей задачей является конструктивное взаимодействие государства с традиционными религиозными конфессиями, которые могут выступать мощными союзниками в деле духовно-нравственного просвещения, развенчания псевдорелигиозных экстремистских доктрин и оказания помощи лицам, подвергшимся радикальному влиянию. Законодательство, регламентирующее деятельность религиозных организаций и противодействие экстремизму в религиозной сфере, должно находить тонкий баланс между необходимостью противодействия реальным угрозам и защитой свободы совести, недопущением стигматизации целых конфессий по действиям маргинальных групп.

Особое место в системе общесоциальной профилактики занимает развитие гражданского общества и местного самоуправления. Именно на местном уровне наиболее остро ощущаются социальные проблемы и

межгрупповые трения, и там же могут быть найдены наиболее адекватные, адресные решения. Поддержка некоммерческих организаций, занимающихся миротворческой, правозащитной, интеграционной деятельностью, развитие добровольческих (волонтерских) инициатив, создание общественных советов по вопросам межнациональных отношений – всё это механизмы, позволяющие вовлекать самих граждан в процессы укрепления общественного мира. Эффективное местное самоуправление, пользующееся доверием населения, способно оперативно реагировать на локальные конфликты, работать с группами риска, создавать площадки для диалога.

Законодательные поправки, направленные на регулирование деятельности НКО и ужесточающие контроль за иностранным финансированием, с одной стороны, стремятся минимизировать риски использования таких организаций в деструктивных целях, с другой – создают сложности для деятельности многих конструктивных гражданских инициатив, что требует постоянного поиска баланса между безопасностью и развитием гражданской активности.

Научное и экспертное сопровождение общесоциальной профилактики является необходимым условием её эффективности. Без глубокого, основанного на эмпирических данных, понимания социальных процессов, механизмов радикализации, специфики различных групп риска и форм виктимизации любые профилактические программы рискуют превратиться в кампанейщину или даже дать обратный эффект.

Поддержка фундаментальных и прикладных исследований в области конфликтологии, социологии, психологии, религиоведения, создание экспертных площадок для обсуждения и выработки рекомендаций, взаимодействие государственных органов с академическим сообществом – всё это должно стать неотъемлемой частью государственной политики. Законодательство, определяющее стратегические направления государственной научно-технической политики, могло бы более чётко акцентировать значимость

социальных и гуманитарных исследований для задач национальной безопасности.

Таким образом, общесоциальная профилактика криминогенной виктимизации в сфере терроризма и экстремизма представляет собой не набор разрозненных мероприятий, а целостную, системную государственно-общественную стратегию, пронизывающую все сферы жизни общества. Последние изменения в российском законодательстве создают определённые правовые предпосылки для её реализации, закрепляя роль образования, информации, гражданского общества в противодействии радикальным угрозам. Однако сам по себе закон не может автоматически изменить социальную реальность.

Успех профилактики зависит от последовательности и координации действий органов власти всех уровней, от ресурсного обеспечения долгосрочных программ, от качества управленческих решений и, в конечном счете, от готовности самого общества к конструктивному диалогу и совместной работе по укреплению собственной безопасности и гражданского мира. Криминологическая наука призвана выступать в роли аналитического центра, непрерывно оценивающего эффективность принимаемых мер, изучающего новые тенденции виктимизации и предлагающего научно обоснованные пути совершенствования общесоциальной профилактической политики, превращая её из декларации в действенный инструмент созидания устойчивого и справедливого общества.

§ 2. Меры специальной профилактики криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности

Специальная профилактика криминогенной виктимизации в сфере террористической и экстремистской деятельности образует центральное звено государственной стратегии противодействия данным угрозам, фокусируясь на целенаправленном выявлении, предупреждении и нейтрализации

непосредственных факторов риска, способных привести к причинению вреда личности, обществу и государству.

В отличие от общесоциальных мер, создающих общий иммунитет социума, специальная профилактика носит конкретный, адресный и зачастую оперативный характер, предполагая скоординированные действия правоохранительных органов, спецслужб, судебной системы и иных уполномоченных институтов.

Понятие криминогенной виктимизации в рассматриваемом контексте охватывает широкий спектр процессов – от прямого физического воздействия в ходе теракта до психологического давления, дискриминации, преследования и иных форм вреда, причиняемого деятельностью террористических и экстремистских структур. Специальные профилактические меры, таким образом, призваны создавать многоуровневые барьеры на всех стадиях формирования виктимной ситуации: от раннего выявления лиц, склонных к совершению преступлений, до защиты конкретных объектов и категорий населения, а также минимизации последствий, если предотвратить преступление не удалось. Законодательные новации последнего периода последовательно расширяют арсенал таких барьеров, делая особый акцент на превенции, проактивности и комплексности подхода¹.

Одним из фундаментальных направлений специальной профилактики выступает деятельность по выявлению и нейтрализации лиц, вовлеченных в террористическую и экстремистскую деятельность или демонстрирующих признаки радикализации. Современное законодательство наделило правоохранительные органы и спецслужбы значительным набором оперативно-розыскных и профилактических полномочий для работы с данной категорией. Важной новеллой стало законодательное закрепление и детализация института профилактического учёта и профилактической работы с лицами,

---

¹ Коряковцев Д.А., Виноградов И.Д., Литвиненко А.А. Борьбы с терроризмом и экстремизмом на современном этапе // Актуальные вопросы противодействия возникающим угрозам на современном этапе: сборник научных статей. Курск, 2024. С. 108.

подверженными воздействию радикальной идеологии. Речь идёт не только о тех, кто уже совершил правонарушения, но и о гражданах, чьё поведение, высказывания или окружение дают основания предполагать возможность их вовлечения в противоправную деятельность.

Профилактические беседы, официальные предостережения о недопустимости антиобщественного поведения, постановка на учёт – все эти меры направлены на своевременное вмешательство с целью предотвращения перехода личности из категории «потенциально опасной» в категорию «преступника». Подобная практика, с одной стороны, позволяет работать с угрозой на ранней стадии, с другой – требует тонкого правового баланса, дабы не допустить необоснованного ограничения прав и свобод граждан на основании умозрительных подозрений. Законодатель стремится регламентировать данную процедуру, вводя основания и процессуальные гарантии, однако эффективность и соразмерность её применения во многом зависят от качества анализа информации и профессионализма сотрудников на местах¹.

Особое место в системе специальной профилактики занимают меры, нацеленные на защиту потенциальных жертв и объектов повышенной опасности. Речь идет как о физической охране особо важных объектов, мест массового пребывания людей, транспортной и критической инфраструктуры, так и о персональной защите лиц, чья профессиональная или общественная деятельность делает их вероятными мишенями для террористических или экстремистских атак. К последним относятся судьи, прокуроры, сотрудники правоохранительных органов, журналисты, лидеры общественного мнения, религиозные деятели. Законодательство предусматривает возможность применения в отношении таких лиц целого ряда мер безопасности: личной охраны, защиты жилища и имущества, выдачи специальных средств

---

¹ Жамборов А.А., Семиглазов А.Г. Приоритетные направления противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе развития общества // Проблемы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 99.

индивидуальной защиты, обеспечения конфиденциальности сведений, изменения внешности и даже переселения на другое место жительства.

Поправки в законы о противодействии терроризму и о государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства расширяют круг лиц, имеющих право на подобную защиту, и упрощают процедуру её предоставления в случаях, не терпящих отлагательства. Данные нормы непосредственно направлены на снижение виктимологического риска для наиболее уязвимых категорий, позволяя им продолжать свою деятельность, не подвергаясь непрерывной угрозе.

Современная специфика террористической и экстремистской деятельности, неразрывно связанная с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, породила целый комплекс специальных профилактических мер в цифровой среде. Законодатель, откликаясь на вызовы времени, создал разветвлённую систему мониторинга и пресечения противоправного контента. Уполномоченные органы, прежде всего Роскомнадзор и органы прокуратуры, обладают полномочиями выявлять в сети материалы, содержащие призывы к терроризму и экстремизму, оправдание подобной деятельности, инструкции по изготовлению взрывных устройств, а также информацию, возбуждающую ненависть или вражду. Обнаруженные ресурсы вносятся в федеральный список экстремистских материалов, а их распространение на территории России блокируется¹.

Важной превентивной мерой стала обязанность, возложенная на владельцев интернет-платформ и организаторов распространения информации в сети, самостоятельно выявлять и незамедлительно удалять такой контент. Неисполнение данной обязанности влечёт значительные штрафы, а в повторных случаях – полное блокирование ресурса на территории страны.

Эти меры направлены на создание защищённого информационного пространства, затрудняющего вербовку новых сторонников, распространение

---

¹ Доронин Ю.П. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению и профилактике экстремизма // Актуальные исследования. 2022. № 22. С. 57.

идеологии ненависти и планирование конкретных преступлений, что в конечном итоге снижает общий уровень угрозы для общества. Однако их эффективность напрямую связана с техническими возможностями фильтрации, оперативностью реагирования и необходимостью избегать избыточных блокировок, которые могут нарушать права граждан на доступ к информации.

Отдельный пласт специальной профилактики связан с противодействием финансированию терроризма и экстремизма, поскольку перекрытие финансовых потоков парализует деятельность преступных структур. Российское законодательство, приведённое в соответствие с международными стандартами (в частности, рекомендациями ФАТФ), установило жёсткие требования для финансовых институтов, операторов по переводу денежных средств, букмекерских контор и других организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом. На эти организации возложены обязанности по внутреннему контролю, идентификации клиентов, фиксации и хранению информации об операциях, обязательной проверке в отношении лиц и организаций, включённых в перечни террористов и экстремистов.

Особое значение имеют нормы, обязывающие кредитные организации незамедлительно сообщать в уполномоченный орган (Росфинмониторинг) обо всех операциях, в отношении которых есть подозрения, что они связаны с легализацией преступных доходов или финансированием терроризма. Данная система финансового мониторинга позволяет выявлять и пресекать каналы финансирования деструктивной деятельности на ранней стадии, лишая преступников ресурсов для приобретения оружия, оплаты услуг вербовщиков, организации лагерей и проведения атак. Подобные меры носят сугубо превентивный характер и направлены на нейтрализацию экономической основы терроризма, что объективно снижает его потенциальные масштабы и, соответственно, возможное число жертв¹.

---

¹ Гудков Ю.А., Филина Н.В. О противодействии экстремизму в Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2022. № 11. С. 706.

Ещё одной важной составляющей выступает совершенствование административного и уголовно-правового инструментария для пресечения деяний, создающих предпосылки для виктимизации. Речь идёт о таких составах, как публичные призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, публичное оправдание терроризма, возбуждение ненависти либо вражды, организация деятельности экстремистского сообщества. Последние поправки в Уголовный кодекс не только ужесточили санкции за эти преступления, но и уточнили их диспозиции, охватив новые, ранее неучтённые формы общественно опасного поведения. Например, более чётко криминализована деятельность, направленная на побуждение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе через интернет.

Ужесточена ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности. Данные нормы позволяют правоохранительным органам вмешиваться на стадии подготовки преступления, когда непосредственная угроза жизни и здоровью граждан ещё не реализовалась, но процесс радикализации и вербовки уже создаёт почву для будущей виктимизации. Подобная ранняя интервенция является классической мерой специальной профилактики, призванной предотвратить реализацию преступного умысла¹.

Особого внимания заслуживают меры, направленные на работу с молодёжной средой, которая традиционно рассматривается как группа повышенного риска с точки зрения вовлечения в экстремистские организации. Специальная профилактика здесь выходит за рамки чисто правоохранительных задач и включает взаимодействие органов внутренних дел, органов по делам молодёжи, образовательных учреждений и общественных объединений. Речь идёт о реализации целевых программ, организации досуга, спортивных и

---

¹ Булавинова М.А., Леонова К.Н. Борьба с экстремизмом как одна из задач органов внутренних дел // Уголовное прав в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей. Курс, 2021. С. 74.

патриотических мероприятий, создании позитивных альтернатив для самореализации подростков и молодых людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Законодательство, регулирующее молодёжную политику, всё чаще включает положения, ориентированные на профилактику экстремизма. На практике это выражается в поддержке волонтёрских движений, молодёжных трудовых отрядов, клубов по интересам, деятельность которых направлена на консолидацию общества и формирование гражданской идентичности. Параллельно правоохранительные органы ведут адресную работу с несовершеннолетними, замеченными в распространении экстремистской символики или участии в деструктивных интернет-сообществах, применяя, в первую очередь, меры воспитательного и предупредительного характера с привлечением психологов, педагогов и родителей.

Важнейшим элементом системы, обеспечивающим её эффективность, является межведомственное взаимодействие. Специальная профилактика не может быть прерогативой какого-то одного силового ведомства. Она требует постоянного обмена информацией и координации действий между ФСБ, МВД, Росгвардией, Следственным комитетом, прокуратурой, Роскомнадзором, Росфинмониторингом, органами власти субъектов Федерации и местного самоуправления. Обязанность по такому взаимодействию, предусматривает создание координационных органов, например, антитеррористических комиссий на федеральном и региональном уровнях. Именно эти структуры организуют разработку и реализацию комплексных планов противодействия терроризму и экстремизму, оценивают обстановку на подведомственной территории, распределяют задачи между различными службами. Качественное межведомственное взаимодействие позволяет комплексно оценивать угрозы, своевременно выявлять латентные риски виктимизации и применять весь арсенал доступных мер для их нейтрализации.

Специальная профилактика криминогенной виктимизации в области террористической и экстремистской деятельности сталкивается с рядом

системных трудностей. Эти препятствия носят как объективный характер, связанный с трансформацией самой преступной деятельности, так и субъективный, обусловленный ограничениями правоприменительной практики и ресурсного обеспечения. Поиск оптимальных путей решения обозначенных проблем требует комплексного анализа, учитывающего как необходимость усиления эффективности правоохранительной системы, так и обязательность соблюдения правовых гарантий граждан¹.

Одной из центральных проблем выступает противоречие между необходимостью раннего вмешательства и риском необоснованного ограничения прав и свобод. Современное законодательство, стремясь к упреждению преступлений, наделяет правоохранительные органы широкими полномочиями по проведению профилактических бесед, постановке на учет лиц, «склонных к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности», и применению иных мер административного воздействия. Подобный подход, с одной стороны, позволяет работать с угрозой на стадии её формирования. С другой стороны, отсутствие четких, объективных критериев для отнесения гражданина к указанной категории создает почву для субъективных и потенциально произвольных решений.

Профилактические меры, основанные на неформальных признаках или анализе контекстуально вырванных высказываний в интернете, могут приводить к стигматизации лиц, не совершавших противоправных действий, но выражающих несогласие с официальной позицией или придерживающихся нестандартных убеждений. Такой расширительный подход способен породить эффект, обратный профилактическому, вызывая у граждан чувство несправедливости и отчуждения от государства, что само по себе является фактором социальной напряженности.

---

¹ Согомоян Г.Х., Проненко Е.А. Профилактика преступлений экстремисткой направленности // Интернаука. 2022. № 44. С. 20.

Решение данной проблемы лежит в плоскости дальнейшей детализации правовых оснований для профилактического учета. Необходимо законодательное закрепление исчерпывающего перечня конкретных, верифицируемых действий или обстоятельств, наличие которых позволяет инициировать профилактическую работу. Например, такими основаниями могли бы быть не просто «подозрительные» высказывания, а документально подтвержденные факты участия в деятельности запрещенных организаций, посещения тренировочных лагерей, систематического распространения материалов, признанных судом экстремистскими, или прямые угрозы насилием. Одновременно требуется создание эффективного механизма судебного и прокурорского контроля за применением превентивных мер, гарантирующего возможность их оперативного обжалования.

Существенной трудностью является техническое и кадровое отставание в сфере мониторинга цифрового пространства. Законодательство предписывает активную борьбу с экстремистским контентом в сети, возлагая обязанности на владельцев платформ и уполномоченные государственные органы. Однако динамика информационного поля ставит перед ними почти невыполнимые задачи. Алгоритмы автоматического выявления контента, основанные на распознавании ключевых слов и изображений, легко обходятся с помощью простых методов шифрования, сленга, размещения материалов в закрытых чатах и мессенджерах. Человеческие ресурсы для ручного анализа колоссальных объемов информации объективно ограничены. В результате система реагирования часто работает по принципу «догоняющего»: блокировка ресурсов происходит постфактум, когда запрещенные материалы уже распространены, а их копии множатся на новых зеркалах. Более того, автоматические фильтры нередко дают сбои, блокируя легальный контент – научные статьи, исторические документы, произведения искусства, что порождает общественное недовольство и подрывает доверие к самой политике противодействия.

Перспективным путем решения видится не только наращивание технических мощностей, но и стратегический пересмотр подхода. Акцент следует сместить с тотального преследования всего потенциально опасного контента на целевой проактивный мониторинг сетевых сообществ и лиц, уже идентифицированных как представляющих реальную угрозу. Развитие технологий глубокого анализа сетей для выявления центров влияния, каналов вербовки и финансирования может оказаться эффективнее массовой фильтрации. Параллельно необходима масштабная государственная поддержка исследований и разработок в области искусственного интеллекта и лингвистического анализа, способных с высокой точностью интерпретировать смысл и контекст высказываний, а не просто искать совпадения по словарю.

Серьёзной проблемой остаётся недостаточная межведомственная координация и обмен информацией. Несмотря на законодательно закреплённую обязанность взаимодействия, на практике между ФСБ, МВД, Росгвардией, Следственным комитетом и Росфинмониторингом зачастую сохраняются ведомственные барьеры. Данные, собранные одним органом, не всегда в полном объёме и в оперативном режиме поступают в распоряжение других структур, занимающихся смежными направлениями профилактики. Например, информация о подозрительных финансовых операциях может не соотноситься своевременно с данными оперативной разработки лица, или сведения о радикальных высказываниях в сети не передаются в органы, занимающиеся профилактикой на местах проживания данного субъекта. Эта разобщённость создаёт «слепые зоны» и снижает эффективность упреждающих мер¹.

Решением должно стать создание единой защищённой информационно-аналитической платформы, агрегирующей данные из различных источников в режиме, близком к реальному времени, с чётко прописанными правилами доступа для каждого ведомства в зависимости от его компетенции. Важнейшим

---

¹ Люев Т.Х. Проблемы противодействия экстремизму и терроризму в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 142.

условием при этом является обеспечение высочайшего уровня кибербезопасности подобной системы и строгого правового регулирования работы с персональными данными, чтобы предотвратить их утечку или злоупотребление.

Проблема квалификации кадров, осуществляющих специальную профилактику, носит фундаментальный характер. Сотрудники, работающие на этом направлении, должны обладать не только юридическими знаниями и оперативными навыками, но и компетенциями в области психологии, религиоведения, этнологии, медиаграмотности. Им необходимо уметь отличать радикальную идеологию от законного выражения убеждений, понимать специфику различных субкультур и интернет-сообществ, владеть методами проведения профилактических бесед, не носящих характера давления или запугивания. Дефицит такой комплексной подготовки зачастую приводит к формальному, бюрократическому подходу к профилактике, когда вместо индивидуальной работы с человеком оформляются многочисленные отчёты, а меры воздействия носят шаблонный характер.

Для преодоления данного разрыва требуется коренная перестройка системы профессиональной подготовки и переподготовки. В учебные программы ведомственных вузов и курсов повышения квалификации необходимо внедрять междисциплинарные модули, привлекать внешних экспертов – психологов, конфликтологов, социологов. Особое внимание следует уделять развитию навыков «мягкой» профилактики, направленной на ресоциализацию и предложение альтернатив, а не только на контроль и запрет.

Наконец, существует проблема оценки эффективности специальной профилактики. Успех в этой области по определению является негативным – предотвращённое преступление не имеет статистического отражения в виде возбуждённого уголовного дела. Традиционные показатели, такие как количество проведённых профилактических бесед или выявленных интернет-ресурсов с запрещённым контентом, говорят скорее об интенсивности процесса, а не о его результате. Отсутствие надёжных критериев

эффективности затрудняет распределение ресурсов, планирование и корректировку стратегии.

В качестве решения можно предложить разработку системы косвенных индикаторов, таких как динамика уровня доверия к правоохранительным органам в группах риска, снижение числа административных правонарушений экстремистской направленности, рост выявляемости преступлений на ранних стадиях подготовки. Важным инструментом могла бы стать регулярная организация независимых социологических исследований в регионах с повышенной напряжённостью, отслеживающих изменения в общественных настроениях и восприятии мер безопасности¹.

Таким образом, меры специальной профилактики криминогенной виктимизации в сфере терроризма и экстремизма, активно развиваемые и детализируемые в современном российском законодательстве, образуют сложный, многоуровневый и динамичный механизм. Этот механизм сочетает в себе оперативно-розыскные, охранные, контрольные, запретительные и воспитательные инструменты, нацеленные на упреждение преступлений и минимизацию ущерба для общества.

Отличительной чертой новейшего правового регулирования является его проактивная направленность, стремление вмешаться на возможно более ранней стадии формирования угрозы, будь то в процессе радикализации личности, распространения запрещённого контента, движения финансовых потоков или организации преступного сообщества.

Эффективность всей этой масштабной работы зависит не только от наличия строгих законов, но и от ресурсного обеспечения правоохранительных органов, качества профессиональной подготовки кадров, развития технических средств контроля и анализа, а также от соблюдения необходимого баланса между безопасностью и защитой прав граждан. Постоянная криминологическая оценка применяемых мер, изучение лучших практик и адаптация правового

---

¹ Абидов Р.Р., Зумакулова З.А. Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет // Право и управление. 2024. № 6. С. 304.

инструментария к новым вызовам остаются обязательными условиями для построения действительно результативной системы специальной профилактики, способной надёжно защитить личность, общество и государство от террористической и экстремистской виктимизации.

Совершенствование специальной профилактики криминогенной виктимизации требует не столько ужесточения законодательства, сколько его тонкой настройки, значительных инвестиций в технологии и кадры, а также преодоления ведомственной разобщённости. Пути решения лежат в области повышения точности правовых норм, развития интеллектуальных систем анализа данных, построения единого информационного контура, глубокой профессиональной переподготовки сотрудников и создания научно обоснованной системы оценки результатов.

§ 3. Зарубежный опыт криминогенной виктимизации террористической экстремистской деятельности

Изучение зарубежного опыта в области криминогенной виктимизации, связанной с террористической и экстремистской деятельностью, представляет для российского законодателя, правоприменителя и научного сообщества значительный интерес и практическую ценность. Это направление исследований позволяет выявить общие тенденции и специфические подходы, оценить эффективность различных правовых и социальных моделей, а также учесть возможные риски при имплементации тех или иных мер в российскую правовую систему, активно реформируемую в последние годы¹.

Анализ научной литературы демонстрирует, что, несмотря на различия в правовых традициях и политических контекстах, многие государства сталкиваются со схожими вызовами: трансформацией террористической угрозы в сторону децентрализованных сетевых структур, экспансией экстремистской

---

¹ Ильин А.В. Виктимологическая профилактика преступлений: учебно-практическое пособие. Ижевск, 2024. С. 122.

риторики в цифровую среду и необходимостью выстраивания сложного баланса между мерами безопасности и защитой гражданских свобод. Российское законодательство, обогащенное серией поправок в законы о противодействии терроризму и экстремизму, развивается в русле общемировых трендов, но зачастую предлагает более жесткие и централизованные решения, что требует взвешенного осмысления международной практики.

Одним из наиболее разработанных направлений зарубежного опыта выступает концепция комплексной поддержки жертв терроризма, которая в ряде стран превратилась в целостную государственную политику. Например, в таких государствах, как Франция или Великобритания, созданы специализированные национальные структуры или фонды, координирующие оказание помощи пострадавшим. Поддержка носит не разовый, а долгосрочный характер и включает, помимо материальных компенсаций, пожизненное медицинское и психологическое сопровождение, юридическую помощь, меры по социальной и профессиональной реинтеграции.

Важным принципом, закрепленным в европейской практике, является «признание статуса жертвы», выходящее за узкие рамки уголовного процесса и подчеркивающее моральную обязанность государства перед гражданином, пострадавшим от атаки, направленной против основ общественного строя. Данный подход контрастирует с пока еще формирующейся в России системой, где акцент зачастую смещен на единовременные выплаты и где психологическая реабилитация не всегда носит системный и доступный характер. Последние российские законодательные инициативы, направленные на усиление социальных гарантий для пострадавших, свидетельствуют о движении в сторону принятия подобной практики, однако их полная реализация требует существенных институциональных и финансовых вложений.

Существенный пласт зарубежного опыта касается моделей профилактики радикализации и работы с группами риска, особенно среди молодежи. Программы дерадикализации, реализуемые в ряде европейских стран (Дания,

Германия, Нидерланды), строятся на принципах межсекторального взаимодействия. В их реализации участвуют не только полиция и спецслужбы, но и социальные работники, педагоги, психологи, религиозные деятели и представители гражданского общества. Акцент делается на раннем выявлении признаков радикализации через систему доверительных каналов (например, через учителей или социальных служб), с последующим предложением индивидуальных «путей выхода» – психологического консультирования, помощи в образовании и трудоустройстве, налаживания семейных отношений.

Основным элементом многих таких программ является принцип «снижения вреда» и реинтеграции, а не уголовного преследования на ранних стадиях. В Скандинавских странах большое внимание уделяется работе в местных сообществах, профилактике маргинализации и созданию альтернативных нарративов, конкурирующих с экстремистской пропагандой. Российская практика профилактики, закреплённая в законодательстве о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и о противодействии экстремизму, в значительной степени остаётся прерогативой правоохранительных органов и комиссий по делам несовершеннолетних, что не всегда позволяет выстроить подобное доверительное взаимодействие¹.

Изучение отдельных элементов зарубежного опыта, таких как развитие сети кризисных центров и внедрение программ наставничества, могла бы повысить эффективность ранней профилактики, особенно в регионах с высокой социальной напряжённостью.

Особый интерес представляет регулирование цифрового пространства и противодействие экстремистскому контенту в интернете. Здесь наблюдаются две основные, зачастую конфликтующие, модели. Первая, представленная, в частности, Германией, предполагает возложение строгой административной и уголовной ответственности на владельцев социальных платформ за

---

¹ Трошкин Д.И. Предупреждение экстремизма и преступлений экстремистской направленности // Особенности формирования антиэкстремистской и антитеррористической среды: сборник научных статей. Белгород, 2022. С. 301.

оперативное удаление противоправного контента. Вторая модель, характерная для США в рамках Первой поправки, отдает предпочтение свободе слова даже в ущерб оперативности удаления экстремистских материалов, полагаясь в большей степени на саморегулирование индустрии и судебное преследование постфактум.

Европейский подход, усиленный недавним законодательством о цифровых услугах, движется в сторону создания прозрачных механизмов модерации и защиты прав пользователей. Российская модель, выраженная в законах о «суверенном интернете» и об ограничении доступа к противоправной информации, является одной из самых жестких, предоставляя государству широкие полномочия по бессудной блокировке ресурсов. Зарубежная критика подобного подхода указывает на риски избыточных ограничений и подавления инакомыслия.

Однако зарубежный опыт также демонстрирует растущие сложности в борьбе с зашифрованными мессенджерами и «темными» форумами, где координация террористической деятельности становится почти невидимой для контроля. Этот вызов стимулирует международное сотрудничество в области оперативно-розыскной деятельности и обмена данными между спецслужбами, в котором Россия участвует через механизмы Интерпола и двусторонние соглашения¹.

В сфере правового определения и криминализации экстремистской деятельности зарубежный опыт крайне неоднороден. В странах англосаксонской правовой семьи понятие «экстремизм» часто избегают в уголовном законодательстве, предпочитая более конкретные составы: подстрекательство к насилию, совершение преступлений на почве ненависти, членство в запрещенных террористических организациях. Континентальная Европа, напротив, активно использует концепцию экстремизма, но стремится к

---

¹ Жамборов А.А., Семиглазов А.Г. Приоритетные направления противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе развития общества // Проблемы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 101.

её точному юридическому определению, чтобы избежать произвольного толкования. Например, германское право проводит четкую градацию между «экстремистскими» и «радикальными» взглядами, преследуя лишь те, что направлены на подрыв свободного демократического строя и связаны с готовностью к применению насилия.

Российское законодательство содержит весьма широкое определение экстремизма, охватывающее не только насильственные действия, но и публичные призывы к ним, а также возбуждение розни. Такой подход, с одной стороны, дает правоприменителю широкий инструментарий, с другой – порождает дискуссии о рисках чрезмерно расширительного толкования, особенно в части критики власти, которая в ряде зарубежных юрисдикций защищена принципами свободы политического выражения. Опыт зарубежных конституционных судов в проверке соразмерности антиэкстремистских мер может быть полезен для оттачивания российских правовых конструкций.

Важнейшей составляющей международной практики является внимание к коллективной и символической виктимизации. В странах, переживших длительные внутренние конфликты на этнической или религиозной почве (Ольстер в Великобритании, Страна Басков в Испании), программы постконфликтного примирения и восстановления социальной ткани стали неотъемлемой частью стратегии противодействия экстремизму. Речь идет о публичном признании страданий всех сообществ, поддержке диалога между ними, образовательных инициативах, направленных на преодоление предрассудков, и мемориализации жертв как способе формирования общей памяти, отвергающей насилие. Подобная работа признает, что жертвой террора становится не только отдельный человек, но и доверие между группами, социальный мир, историческая память. Российский опыт в этой области, связанный прежде всего с последствиями конфликтов на Северном Кавказе, также богат, но его системное осмысление и институционализация в виде национальной стратегии восстановительного правосудия и общественного примирения пока находятся в зачаточном состоянии.

Наконец, зарубежный опыт подчеркивает критическую роль независимого академического и общественного мониторинга мер безопасности. В многих демократиях функционируют специализированные парламентские комитеты, институты омбудсменов и неправительственные организации, которые отслеживают соблюдение прав человека в контексте борьбы с терроризмом, анализируют статистику и случаи возможных злоупотреблений. Такая система «сдержек и противовесов» призвана предотвратить эрозию правовых норм под предлогом чрезвычайной необходимости. В России аналогичные функции возложены на институт Уполномоченного по правам человека и общественные наблюдательные комиссии, однако их возможности по влиянию на ведомственную политику в силовом блоке часто ограничены. Развитие подобного независимого экспертного и общественного контроля, наряду с укреплением судебного надзора, могло бы способствовать повышению легитимности и точности применяемых специальных профилактических мер¹.

Таким образом, зарубежный опыт противодействия криминогенной виктимизации от терроризма и экстремизма предлагает широкий спектр моделей – от жестко-силовых до социально-реабилитационных. Его ценность для России заключается не в возможности прямого копирования, а в предоставлении сравнительного материала для рефлексии.

Анализ международной практики позволяет критически оценить российскую правовую траекторию, выделяя её сильные стороны – такие как системность законодательного регулирования и оперативные возможности спецслужб, – и указывая на зоны потенциального риска: избыточную централизацию, слабость реабилитационного компонента и недостаточную развитость механизмов общественного контроля. Дальнейшее совершенствование российского законодательства и правоприменительной

---

¹ Эльмурзаев С.М., Катаев Ш.М. Деятельность органов внутренних дел в противодействии экстремизму в сети Интернет // Столыпинский вестник. 2023. № 1. С. 25.

практики может продуктивно учитывать положительные наработки других стран в сфере комплексной помощи жертвам, многоагентной профилактики радикализации, точной юридической квалификации экстремистских деяний и построения общественного диалога в постконфликтных ситуациях. Такой синтез национальных и международных подходов способен привести к формированию более сбалансированной, эффективной и гуманной системы защиты общества от одних из самых опасных современных угроз.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Криминологическая характеристика современной террористической и экстремистской деятельности демонстрирует её значительную трансформацию под влиянием технологических и социальных изменений. От относительно централизованных структур данные формы преступного поведения эволюционировали в сторону сетевых, децентрализованных моделей, где значительную роль играют самостоятельно радикализирующиеся индивиды («одиночки»). Идеологическая мотивация стала более эклектичной, сочетая религиозные, националистические, леворадикальные и правоконсервативные нарративы, эксплуатирующие реальные или мнимые социальные противоречия. Современное российское законодательство, отраженное в последних поправках к федеральным законам, адекватно реагирует на эти вызовы, смещая акцент с пресечения на превенцию. Законодательные нормы теперь активнее охватывают стадии подготовки, финансирования и информационного сопровождения преступлений, криминализируя публичное оправдание терроризма, организацию экстремистского сообщества и распространение соответствующих материалов в сети. Однако подобное расширение границ уголовной репрессии порождает и серьёзную проблему необходимости обеспечения тонкого баланса между безопасностью и защитой фундаментальных прав граждан, включая свободу выражения мнений и собраний.

2. Характеристика личности жертв рассматриваемых преступлений подтвердила тезис о принципиальной специфике виктимизации в этой области. Жертва террористического акта зачастую носит случайный, символический характер, выступая не как конкретная личность для преступника, а как воплощение враждебной социальной группы или государства в целом. Подобная анонимность жертвы порождает в обществе чувство коллективной уязвимости и страха, являющееся одной из стратегических целей терроризма.

Параллельно существует и целевая виктимизация, когда объектами нападения становятся лица определённой профессии, национальности, религии или убеждений. Психологический портрет жертвы характеризуется глубокой, «человеко-обусловленной» травмой, ведущей к тяжёлым формам посттравматического стрессового расстройства, потере базового доверия к миру и социальной дезадаптации. Законодательные усилия, направленные на расширение системы реабилитации и социальной поддержки пострадавших, отражают понимание долгосрочного характера причиняемого вреда. Однако разрыв между провозглашёнными гарантиями и их практической, доступной реализацией для каждого конкретного пострадавшего остаётся существенной проблемой, требующей наращивания не только финансовых, но и кадровых, организационных ресурсов.

3. Общесоциальная профилактика криминогенной виктимизации, направленная на устранение глубинных причин и условий, порождающих радикализацию и социальную напряжённость, представляет собой стратегическую основу долгосрочной безопасности. Её эффективность напрямую зависит от согласованных действий в сферах образования, молодёжной политики, социального обеспечения, информационной среды и межнациональных отношений. Последние законодательные инициативы, предписывающие образовательным учреждениям заниматься формированием традиционных ценностей и противодействием идеологии терроризма, создают необходимую правовую основу. Однако содержательное наполнение этой работы сталкивается с проблемой формализма, недостаточной методической подготовкой педагогов и зачастую неспособностью конкурировать с профессионально созданным деструктивным контентом в интернете. Социально-экономические меры, призванные снизить маргинализацию и обеспечить гражданам ощущение справедливых перспектив, зачастую носят ведомственно разобщённый характер и не всегда достигают именно тех групп, которые наиболее подвержены влиянию радикальных идей. Решение видится в разработке и финансировании комплексных межведомственных программ на

региональном уровне, основанных на точных социологических данных о группах риска и специфике местных конфликтов.

4. Меры специальной профилактики, осуществляемые правоохранительными органами и спецслужбами, образуют оперативный контур противодействия. Их развитие в русле нового законодательства идёт по пути усиления проактивности: расширения полномочий по профилактическому учёту, контролю за финансовыми потоками, мониторингу интернет-пространства и пресечению деятельности на ранних стадиях. Подобный подход потенциально высокоэффективен для нейтрализации конкретных угроз. Однако он же порождает комплекс серьёзных проблем. Во-первых, проблема правовых критериев: размытость формулировок «склонности к экстремизму» создаёт риск произвольного и избыточного применения профилактических мер, что может приводить к дискредитации самой идеи профилактики и росту недоверия к правоохранительным институтам. Во-вторых, проблема технического и кадрового обеспечения: возможности по мониторингу зашифрованной коммуникации и анализу больших данных отстают от возможностей преступников, а сотрудники, осуществляющие профилактику, не всегда обладают необходимой психологической и конфликтологической подготовкой для деликатной работы с людьми. В-третьих, сохраняется проблема межведомственных барьеров, затрудняющих оперативный обмен информацией между ФСБ, МВД, Росфинмониторингом и другими структурами. Пути решения лежат в области точной юридической регламентации профилактических процедур, масштабных инвестиций в современные аналитические технологии и системы искусственного интеллекта, перестройки системы подготовки кадров с акцентом на междисциплинарные знания, а также создания единой защищённой информационной платформы для межведомственного взаимодействия.

5. Обращение к зарубежному опыту противодействия криминогенной виктимизации предоставляет ценный сравнительный материал для рефлексии. Практики комплексной, пожизненной поддержки жертв терроризма,

сложившиеся в ряде европейских стран, задают высокий стандарт социальной ответственности государства. Многоагентные программы дерадикализации, вовлекающие наряду с полицией социальные службы, психологов и общественников, демонстрируют эффективность «мягких», реинтеграционных подходов на ранних стадиях. Опыт правового регулирования экстремизма в Германии или Великобритании, с его вниманием к точному определению границ криминализуемого поведения и развитым судебным контролем, указывает на важность защиты пространства легитимного инакомыслия. В то же время жёсткая российская модель контроля над интернетом и централизованного управления профилактикой обладает собственной логикой, обусловленной спецификой угроз и политико-правовой традицией. Продуктивным представляется не прямое заимствование, а адаптивное использование отдельных, доказавших эффективность элементов зарубежного опыта. Такими элементами могли бы стать развитие сети кризисных центров для лиц, подвергшихся радикальному влиянию, внедрение восстановительных практик в постконфликтных сообществах, укрепление институтов независимого мониторинга правоприменения в силовой сфере.

Таким образом, обобщение вышеизложенного позволяет сформулировать общий вывод. Противодействие криминогенной виктимизации от терроризма и экстремизма представляет собой непрерывный и многомерный процесс, требующий сочетания стратегической глубины общесоциальных мер с оперативной точностью специальной профилактики. Основная системная проблема заключается в преодолении дисбаланса между постоянно ужесточающимся репрессивно-запретительным инструментарием и недостаточно развитыми механизмами социальной реинтеграции, реабилитации жертв, гражданского контроля и правовых гарантий. Дальнейший прогресс в данной области зависит от способности государства и общества выработать сбалансированную модель, где сила закона будет неразрывно связана с его справедливостью и защитой человеческого достоинства.

Такая государственная политика предполагает движение в сторону большей юридической точности норм, технологической оснащённости правоохранительных органов, межведомственной координации, а также существенного усиления гуманитарной составляющей — инвестиций в образование, науку, социальную работу и общественный диалог. Только такой комплексный подход способен создать устойчивый иммунитет общества к идеям насилия и ненависти, минимизировать риски виктимизации и обеспечить подлинную безопасность, основанную не только на страхе перед наказанием, но и на справедливости и взаимном уважении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. №11, ст.1416.
2. Уголовный кодекс РФ: федер. Закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. ст. 2954.
3. О полиции: Федеральный закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2011 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 фев. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.
4. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
5. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.
6. Об утверждении стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

II. Учебная, научная литература

1. Абидов Р.Р., Зумакулова З.А. Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет // Право и управление. 2024. № 6. С. 301-305.
2. Булавинова М.А., Леонова К.Н. Борьба с экстремизмом как одна из задач органов внутренних дел // Уголовное прав в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей. Курс, 2021. С. 72-75.
3. Буров Ю.Б. Массовое убийство в образовательных организациях: феномен, механизмы, причины, профилактика // Инновационное развитие профессионального образования. 2025. № 1. С. 122-133.
4. Гудков Ю.А., Филина Н.В. О противодействии экстремизму в Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2022. № 11. С. 705-709.
5. Гутник И.С., Мамин А.С. Цели и задачи органов внутренних дел в сфере реализации государственной политики противодействия экстремизму // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73. С. 37-40.
6. Доронин Ю.П. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению и профилактике экстремизма // Актуальные исследования. 2022. № 22. С. 56-59.
7. Жамборов А.А. Современный терроризм и экстремизм: тенденции развития, проблемы противодействия // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 3. С. 80-86.
8. Жамборов А.А., Семиглазов А.Г. Приоритетные направления противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе развития общества // Проблемы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 97-103.
9. Ильин А.В. Виктимологическая профилактика преступлений: учебно-практическое пособие. Ижевск, 2024. С. 115-123.
10. Коряковцев Д.А., Виноградов И.Д., Литвиненко А.А. Борьбы с терроризмом и экстремизмом на современном этапе // Актуальные вопросы противодействия возникающим угрозам на современном этапе: сборник

научных статей. Курск, 2024. С. 106-110.

11. Куршев А.Х. Высокие технологии в противодействии преступлениям экстремистской и террористической направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 128-132.

12. Кучмезов Р.А. Вопросы межведомственного взаимодействия по вопросам предупреждения экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 4. С. 213-217.

13. Лещенко Д.Г. Предупреждение преступлений экстремистской направленности // Молодой ученый. 2022. № 26. С. 117-118.

14. Логинова В.А., Медведева П.Д. Проблемы виктимологической профилактики скулшутинга // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: технологии, инновации, достижения: сборник научных статей. Уфа, 2024. С. 150-154.

15. Люев Т.Х. Проблемы противодействия экстремизму и терроризму в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 138-143.

16. Лозинский О.И. Экстремизм и терроризм: криминологическая характеристика, классификация экстремистов и террористов // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 3. С. 155-161.

17. Лукошина П.А. Криминологическая характеристика финансирования экстремистской и террористической деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 3. С. 141-148.

18. Мамаева Л.Н. Основные направления противодействия экстремистским и террористическим проявлениям // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: сборник научных статей. Новосибирск, 2025. С. 288-292.

19. Панов Е.В. Противодействие терроризму как одно из направлений деятельности в органах внутренних дел // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3. С. 57-64.

20. Самолаева Е.Ю. К вопросу о профилактике преступлений

экстремистской направленности // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 1. С. 46-52.

21. Согомоян Г.Х., Проненко Е.А. Профилактика преступлений экстремистской направленности // Интернаука. 2022. № 44. С. 18-21.

22. Трошкин Д.И. Предупреждение экстремизма и преступлений экстремистской направленности // Особенности формирования антиэкстремистской и антитеррористической среды: сборник научных статей. Белгород, 2022. С. 288-304.

23. Шестопалов С.В., Медведь В.М. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению террористической деятельности и экстремизма // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: сборник научных статей. Тула, 2023. С. 212-216.

24. Щапина Э.В. Виктимологическая профилактика преступлений террористической направленности в сети Интернет // Державинские чтения: сборник научных статей. М., 2024. С. 161-165.

25. Эльмурзаев С.М., Катаев Ш.М. Деятельность органов внутренних дел в противодействии экстремизму в сети Интернет // Столыпинский вестник. 2023. № 1. С. 23-25.

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну.

И. А. Галиуллин